

**Мой путь
к Богу
и в Церковь**

**** ЖИВЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА
2000-х ГОДОВ**

Мария Дикарева Мой путь к Богу и в Церковь. Живые свидетельства 2000-х годов

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25578101

МОЙ ПУТЬ К БОГУ И В ЦЕРКОВЬ : Живые свидетельства 2000-х годов: Свято-Филаретовский православно-христианский институт;

Москва; 2016

ISBN 978-5-89100-160-2

Аннотация

Во второй сборник (первый, вышедший в 2003 г., содержал рассказы людей, воцерковившихся в конце 80-90-х годов XX века) вошли воспоминания и размышления наших современников, обретших свой путь к Богу и в Церковь в XXI веке. Главное достоинство книги – подлинность личного, очень искреннего свидетельства тех, кто откликнулся на Божий призыв.

Все свидетельства были написаны во время прохождения катехизации – подготовки к Крещению или к первой сознательной исповеди. Тексты публикуются с согласия авторов и не подвергались литературной обработке и какой-либо цензуре, хотя редакция не всегда согласна с авторами в их оценках.

Книга может быть интересна всем, кого волнуют вопросы духовного поиска, кто размышляет о путях обретения жизни по вере.

Содержание

От составителя	6
Христос пришел лично ко мне	8
Отец дал мне в руки «Отче наш», наказав хранить и беречь	15
Конец ознакомительного фрагмента.	20

**Мой путь к Богу
и в Церковь
Живые свидетельства
2000-х годов**

© Свято-Филаретовский православно-христианский институт, 2016

* * *

От составителя

Дорогие друзья!

Эта небольшая книга – сборник воспоминаний и размышлений людей разных возрастов, судеб, духовного и житейского опыта о своем пути к Богу и в Церковь. Объединяет воспоминания то, что в какой-то момент их авторы увидели свою жизнь как путь, по которому их ведет Бог, и возблагодарили Его за это. Тексты написаны в редком для нашего времени жанре – жанре свидетельства, отражающем личный опыт встречи человека с Богом, который всегда уникален и никогда не повторяется. И хотя путь и опыт у каждого свой, однако в каждом пути есть сходные рубежи, поэтому книга может быть назидательной для всех, кто ищет свой путь к Богу и в Церковь или уже идет по нему.

Название сборника «Мой путь к Богу и в Церковь» и сама тема, над которой размышляют авторы текстов, вспоминая и анализируя свой духовный путь, родились из вопроса: можно ли прийти к Богу и не прийти в Церковь? Опыт жизни этих людей свидетельствует о том, что когда человек обретает живую и действенную веру во Христа, ему открывается путь в Церковь – собрание таких же, как он, учеников Христовых.

Эта книга о том, как человек откликается на призыв Божий и входит во врата Церкви, об открытиях, которые люди

делают на этом пути.

Воспоминания каждый из авторов писал для себя. Эти свидетельства искренни и правдивы, что для нас особенно ценно. Авторы нижеприведенных текстов дали свое согласие поделиться с нами своим духовным опытом.

Христос пришел лично ко мне

Когда я была ребенком, отец подарил мне детскую библию с красивыми картинками. Я очень полюбила эту книгу и буквально впитала все, что в ней было написано. Я росла в атеистической среде, единственное, что я знала, что мой папа еврей, и поэтому мы не можем жить вместе (его верующие родители были против нееврейской жены и детей). Родители мне никогда ничего не рассказывали про Бога. От бабушки у меня осталась икона, напечатанная на обыкновенной бумаге под пластиковым стеклом. Я часто брала эту икону и разговаривала с Богом. Это был первый опыт молитвы. Я говорила Ему все, о чем думаю и мечтаю, чего мне не хватает, и как я Его люблю. В 6 или 7 лет я попросила маму меня крестить вместе с моим маленьким племянником. Мама пожала плечами и отвела меня в церковь. Тогда все крестились. На этом моя христианская жизнь закончилась, я только по-прежнему разговаривала с Богом по ночам, искренне по-детски молилась.

Когда я стала подростком, мне стало стыдно за мою веру, за крещение. Я увлекалась различными субкультурами, любила вампиров, ведьм и прочую чушь. Меня интересовала тема смерти и черной магии. Не могу сказать, что это было серьезно, мне хотелось шокировать всех, хотя вокруг меня христиан как таковых не было, но мне хотелось заявить, что

Бога нет, прежде всего самой себе, чтобы делать все, что хочется. Мне было очень стыдно за свои молитвы. И однажды напоказ перед подругой я разбила мою любимую, бабушкину икону... Я стала ужасно суеверной. Помню, ехала в лифте и думала, если успею найти ключи в сумке до того, как лифт откроет двери, то будет так-то и так-то. И это сбывалось. Такое вот язычество.

Потом я оставалась скорее агностиком, была открыта всему. Я была в поиске.

По мере того как я росла, у меня в голове вырисовывались

две цели моего существования: 1) поступить в престижный вуз, 2) найти настоящую любовь. С первой целью оказалось все проще. Я казалась себе умной, начитанной, интеллигентной. А исполнение второй цели требовало много жертв. Я не отличалась ничем от других молодых людей.

Завоевание любви, эти люди, которых, как мне казалось, я любила, оставили во мне ужасные раны, которые не зажили до сих пор.

В 2008 г. на одной из вечеринок мой друг подошел ко мне и сказал: «Пообещай, что съездишь со мной в одно место утром». Мне было ужасно тяжело после бессонной ночи, после всего этого дурмана, но я согласилась. Это было второй раз, когда Господь позвал, а я отозвалась. Мы приехали на службу в Новодевичий монастырь. Я испытала очень сильное чувство стыда за свою жизнь, слезы лились потоком и, главное, я видела людей вокруг, и мне казалось, что они такие чистые и светлые, а я напротив. Я была очень счастлива, появилось ощущение, что нужно прекратить эту беспутную жизнь, но я испугалась. Мне стало страшно, что я буду одна, что никто меня не будет любить, я не верила, что мне будет достаточно Господней Любви. Я опять отвернулась от Бога. Зимой я поехала в Израиль. Там я ощутила нечто...

Я решила принять гиюр и стать иудейкой. Я осознанно отреклась от Христа, поверив, что Христос был всего лишь человеком – реформатором иудаизма. Я скрывала факт своего крещения, хотела быстрее избавиться от него. Мне очень

хотелось, чтобы меня признавали евреи, я даже думала сменить фамилию матери на отцовскую. Но сил на изучение иудаизма и Торы не было, и как-то все утихло.

Так я жила еще 2 года, проваливаясь все глубже и глубже во тьму. Этот путь меня губил не только в духовном, но и в физическом смысле. Теперь я понимаю, что было так жутко из-за того, что я чувствовала всю ложь этого пути. Я отчаянно желала любви, и думала, что мне ее может дать человек. Я ждала ощущения счастья, творческого прилива, искала удовольствий. Я хотела уважения и признания, гордилась учебой и мечтала о карьере. Осенью 2010 г. я легла в кризисный центр. Психиатр лечил меня таблетками, православный психолог говорил о том, что уныние – это смертный грех. Тогда меня это только разозлило. Я не видела смысла в жизни. Я говорила, что хочу умереть, просила, чтобы кто-то мне объяснил, зачем мне жить. Я была уверена, что смысл существует, но из-за того, что не видела его, я болела физически и душевно.

Я всегда немного завидовала людям, которые уверовали в Христа резко, ярко. Они куда-то поехали, с кем-то поговорили, прочитали Евангелие... и раз!!! Мои изменения происходили очень медленно. Они как бы вплетались органично в мою жизнь, и вроде все было по-прежнему. Однажды я захотела пойти в церковь и сказала об этом своему жениху. Он обрадовался и сказал, что сам хотел мне предложить, но боялся. Я рассмеялась, так как боялась предложить это ему.

Так мы начали ходить в храм. Слава Богу, что мы попали в храм свв. Косьмы и Дамиана в Шубине. Я даже боюсь представить, что было бы, если бы я пошла в храм возле своего дома, из которого меня однажды выгнали за платочек не на всю голову.

Пытаюсь вспомнить, в какой момент я прочитала Евангелие, когда начала молиться, и не помню. Теперь я понимаю, что это была личная встреча с Христом. Для меня было откровением, когда я поняла, что Христос пришел лично ко мне, а не коллективно ко всем, и Он всегда был со мной, только я отворачивалась. Опять возникло сногшибательное чувство, что я вижу Свет. Потом была первая исповедь и первое Причастие, книги о. Александра Меня и вл. Антония Сурожского.

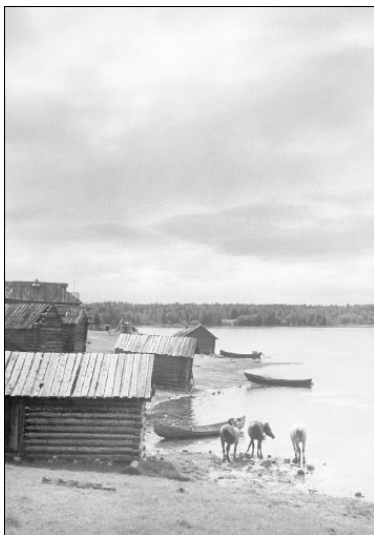
Но иногда мне казалось, что я трачу свое время в церкви. На оглашение я пошла только по вере. Ничто другое не могло заставить меня. Я видела плоды этого, я видела изменившегося моего старого друга, который водил меня несколько лет назад в Новодевичий. И я поверила, что тоже когда-то смогу свидетельствовать о Христе своей жизнью. Собственно, оглашение стало самым крутым поворотом на пути к Богу, это нелегкий путь в гору.

Раньше, когда у меня спрашивали про заветную мечту, я не знала, что ответить, чувствовала, как мелко все то, чего мы хотим, всегда знала, что есть Смысл. «Что пользы человеку от всех его трудов, над чем он трудится под солнцем?»

Род уходит, и род приходит, а Земля остается навек» – эти строки я всегда любила.

Сейчас я чувствую, как моя вера обретает форму, укрепляется. Конечно, я еще только в начале пути, но смотрю назад и вижу, что пройдено немало. Но и искушений становится больше. Я очень надеюсь, что Господь даст мне силы, поможет моему неверию. Иногда после огласительных встреч я чувствую такой прилив сил и радости, несмотря на поздний вечер и усталость! Всё складывается, и больше нет бессмыслицы, нет смерти и, даст Бог, будет мое время собирать плоды!

А.

Отец дал мне в руки «Отче наш», наказав хранить и беречь

Мое осмысленное, летнее детство проходило в Маймаксе на острове Бревенник в так называемом лесном порту. Ныне это Архангельск, а тогда это был не близкий пригород. Именно в Маймаксе, живя летними месяцами у бабушки, я получил первые уроки самостоятельной жизни, с огромным интересом впитывая в себя жизнь поселка при заводском лесопильном производстве. Это была Воля, практически единение с самим собой. Единственной проблемой было *время*, так как надо было к сроку возвращаться домой, где меня иногда ждала и бабушкина вица¹, но, удивительное дело, ни тогда, ни позднее не возникало обиды за это бабушкино «действие».

Я проводил жизнь на берегу реки, по которой проходили огромные океанские пароходы, на плотях леса, где послевоенное пацанье показывало свою удаль, неоднократно тонул, бывало, оказывался и под бревнами. Как-то помню, на спор вызвался проплыть под так называемой плиткой (это больших размеров связка бревен в несколько рядов, глубоко сидящая в воде). Нырнул и, видно, потерял ориентацию: куда ни ткнусь – везде бревна, воздуха уже не хватало, запомнил

---

¹ Вица (вить) – хворостинка, прут, розга, хлыст, длинная ветка, лоза.

красный – практически бордовый цвет, надвигающийся на глаза, и вдруг всплыл, причем всплыл совсем не там, где меня ждали. Вижу, все суетятся, кричат, зовут старших, а у меня не было сил крикнуть им. Кончилось все бабушкиной вицей. Бабушку известили, что ее внук чуть не утонул, а брат бабушки, Артемий Иванович, узнав об этом случае, сказал: «Это тебя Господь спас, значит, выпало жить тебе».

К бабушке на летние каникулы приезжал ее младший сын Василий Петрович, он учился в Ленинградской духовной семинарии. Надо сказать, что с его приездом в доме повисала какая-то неловкость, его как будто стыдились. Бабушка постоянно упрекала его за учебу в семинарии, впрочем, я все это относил тогда к привычной ее строгости. Она и отца-то моего, своего старшего сына, прошедшего три войны, раненого и имеющего многочисленные награды, сердясь, называла табачником за его привычку курить и неразборчивость в посуде. В доме существовал строгий порядок и чистота во всем. У каждого была своя посуда, был бак с водой для своих, и был бак с водой для чужих, и не дай Бог спутать. Во всем этом я разобрался много позднее. Оказалось, что бабушка и дед были последними староверами в своих родах.

Дед умер за два месяца до моего рождения. Впоследствии я ни разу не встречался со староверами, но всегда чувствовал какую-то связь, какое-то внутреннее уважение к этим людям, ощущал потребность узнать больше о расколе и постоянно покупал литературу по этой теме.

Я очень привязался к моему дяде Василию Петровичу. Он был очень необычным человеком, во всем его виде, движениях сквозила какая-то кротость, руки он держал постоянно согнутыми в локтях, как бы прижимая скрещенные ладони к груди, старался держаться в тени, когда к нему обращались, он, покашливая, как бы обдумывал ответ и только потом отвечал. Речь его была правильной, не замусоренной. Однажды он удивил весь поселок беседой с греческими моряками. Эти моряки не могли понять, откуда в северном поселке появился человек, который изъясняется на греческом языке.

Это он научил меня плавать, крутить полное ведро с водой, свистеть, не засовывая пальцы в рот и еще многим мальчишеским премудростям. Он терпеливо сносил все мои бесчисленные вопросы. От него я впервые услышал о Боге, ангелах, о том, как Господь все устроил, о его учебе в семинарии. Беседовал со мной он, как правило, в дороге – мы ехали вдвоем в Архангельск, шли окучивать картошку на дальние гряды или на болото за морошкой. Эти беседы запали в мою душу и в моей вольной жизни, как я понял много позднее, это было единственное, запомнившееся мне, общение взрослого человека, направленное на мое воспитание, не считая, конечно, бабушкиной вицы.

Мои родители были людьми верующими, но невоцерковленными. Отца я никогда не видел в храме, но знал, что у него хранилось много переписанных от руки молитв. Может

быть, так сказалоcь детство, которое он провел в старообрядческой семье. Помню, после окончания мною мореходного училища, отец дал мне в руки написанную молитву «Отче наш», наказав беречь. Он никогда не высказывал своего отношения к власти, не был коммунистом, очевидно, считался хорошим производственником, так как его неоднократно награждали государственными наградами. Но однажды, когда я сказал отцу, что собрался вступать в партию, он поразил меня своей фразой: «Кажется, Сергей, они надолго». Я знал, что семья отца была раскулачена, знал это из разговоров отца с писателем Федором Абрамовым, который неоднократно бывал у нас в доме. Очевидно, отец получил такой горький урок у себя на родине в д. Летопола, что, будучи взрослым, не бывал в родных местах ни разу, несмотря на мои неоднократные уговоры. Из кратких слов отца я понял, что есть люди, которые подвергали сомнению то, что я считал незыблемым, практически вечным, и даже ждали конца этой власти, удивляясь, как долго она держится.

После окончания Мурманского высшего инженерного училища я отработал в траловом флоте 18 лет, до 1985 года, пройдя все ступени по служебной лестнице от моториста до зам. начальника флота. Получил атеистическое воспитание, однако в разговорах с людьми начал осознанно помнить Бога, когда вел графики обработки рыболовных траулеров в порту. Как-то самопроизвольно вырвалась фраза: «Давайте, с Богом, мужики!». Впоследствии я сознательно гово-

рил это, прощаясь с комсоставом судов, уходящих на промысел. Простая, естественная фраза, но помню, как один из первых помощников сказал: «Первый раз в моей жизни меня отправляют в море с Богом», и сказал он это с благодарностью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.